

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УРОВЕНЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И ЕГО ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© В.А. Нехамкин

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Поступила в редакцию 22.04.2022

Опубликована 01.07.2022

■ Для цитирования: Нехамкин В.А. Трансдисциплинарный уровень междисциплинарности и его эвристический потенциал: философско-методологический анализ // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 2. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.8>

Аннотация. В работе с философских и методологических позиций рассматривается междисциплинарность как феномен научного познания. Подробному анализу подвергается один из уровней междисциплинарности — трансдисциплинарный. Изучаются возникшие в рамках трансдисциплинарного уровня модели, которые экстраполируются из него в естественные и гуманитарные науки. Выделяются эвристический потенциал и ограниченность данных моделей. Констатируется возможность появления новых познавательных моделей на трансдисциплинарном уровне междисциплинарности.

Ключевые слова: междисциплинарность; трансдисциплинарность; модель системы; модель точки бифуркации; естественные науки; гуманитарные науки.

TRANSDISCIPLINARY LEVEL OF INTERDISCIPLINARITY AND ITS HEURISTIC POTENTIAL: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

© V.A. Nekhamkin

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia

Original article submitted 22.04.2022

Revision submitted 01.07.2022

■ For citation: Nekhamkin V.A. Transdisciplinary level of interdisciplinarity and its heuristic potential: philosophical and methodological analysis. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(2):69–78. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.8>

Abstract. The article considers interdisciplinarity as a phenomenon of scientific cognition from philosophical and methodological positions. One of the levels of interdisciplinarity — transdisciplinary — is subjected to a detailed analysis. The models that have arisen within the framework of the transdisciplinary level are studied, which are extrapolated from it into the natural sciences and humanities. The heuristic potential and limitations of these models are highlighted. The possibility of the emergence of new cognitive models at the transdisciplinary level of interdisciplinarity is stated.

Keywords: interdisciplinarity; transdisciplinarity; system model; bifurcation point model; natural sciences; humanities.

Ранее автором рассматривалась междисциплинарность (МД) как феномен научного познания XIX–XX вв. В процессе его осмысления с философских позиций был выделен ряд уровней МД: дисциплинарный, трансдисциплинарный, проблемный, объектный [12]. Первый отражает становление МД в пределах конкретных наук. Поэтому выделены примеры внутрисферной МД, предполагающие интеграцию наук из одной предметной области (физическая химия) и межсферной МД, т. е. объединение наук из разных областей (социобиология).

Второй уровень МД предполагал формирование моделей познания (наиболее известны из которых ныне модели «системы» из системного подхода и модель «точки бифуркации» из синергетики), которые затем становились универсальными и экстраполировались в конкретные дисциплины.

Третий уровень МД фиксировал концентрацию наук вокруг какой-либо проблемы, формировался для ее решения. В качестве примера рассмотрена деятельность международной неправительственной организации: Римского клуба (образованного в 1968 г.). Учеными формировались Доклады, исследующие состояние и намечавшие пути преодоления глобальных проблем. Здесь МД проявлялась в следующих формах. Во-первых, в универсализации средств познания, ибо для изучения какой-либо комплексной глобальной проблемы (демографической, загрязнения окружающей среды, сырьевой и пр.) необходима была интеграция методов различных наук: как естественных, так и гуманитарных, а порой и технических. Именно так можно было создать теоретические конструкции (к примеру, модель «нулевого роста», подготовленную под руководством исследовательского коллектива во главе с Д. Медоузом), которые формировались уже не только силой ума ученых, но и с помощью компьютеров (ЭВМ). Последнее требовало на базе математики объединения усилий представителей данных наук в определенные, «понятные» машине алгоритмы. Во-вторых, МД реализовывалась на организационном уровне, когда объединялись и учились совместно работать экономисты, математики, демографы, социологи, физики и т. д. Некоторые из докладов вызвали существенный интерес общественности, а значит внедряли новые междисциплинарные стандарты исследования на уровне обывденного сознания [9].

Отмечу еще один важный аспект: специалистам Римского клуба в 1970–1980-е гг. приходилось преодолевать не только методологическую, но и политическую разобщенность. Ведь они порой работали в странах «социалистического» и «капиталистического» блоков, где доминировали разные мировоззренческие и научные подходы к оценке действительности. Однако в Докладах имеющиеся идеологические разногласия приходилось сводить к «общему знаменателю», что тоже способствовало развитию МД, ее проблемного уровня.

Данный уровень востребован при анализе не только глобальных, но и иных сложных прикладных или теоретических проблем: от перехода к рыночной экономике в различных странах [7] до контрфактического моделирования прошлого [8].

Четвертый уровень МД, формирующийся ныне, предполагал концентрацию ученых на изучении определенного объекта: семьи, собственности и т. д. Этот подход породил семейведение, пропетологию (наука о собственности) и иные отрасли знания. Пока данный уровень далек от подведения даже промежуточных итогов своего становления.

Однако указанные выше уровни МД ранее рассмотрены кратко, без фиксации особенностей развития каждого, связей между ними. Отсюда подробному анализу в настоящей работе подвергнут трансдисциплинарный уровень МД.

Данный уровень МД формировался постепенно. Его предшественником можно считать классическую механику И. Ньютона, нашедшую философское обобщение в позитивизме О. Конта и его последователей. Здесь идея о том, что задача наук (включая гуманитарные) открывать законы развития объекта и на данной основе давать предсказания относительно его эволюции становится определяющей. На ее базе О. Конт попытался создать социологию как универсальную науку, которая бы выявила законы развития общества и давала бы прогнозы относительно его динамики. Как утверждал последователь О. Конта, Л. Гумплович, социология, «наблюдая исторический процесс, должна вывести из него социальные законы... Если эти законы познаны правильно, — ...они должны *управлять* (курсив мой — В.Н.) настоящим и будущим так же, как они управляли прошедшим. В таком случае на место шатких... вероятностей выступает трезвый, покоящийся на позитивном социальном знании... расчет и *предвидение будущего* (курсив Л. Гумпловича)» [1, с. 123]. Она — «фундамент всех наук, занимающихся отдельными частями человеческого общества» [1, с. 125].

Однако на такую программу «трансдисциплинарности», сводящую гуманитарные науки к естественным, резко негативно отреагировали философы-неокантианцы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), представители «философии жизни» и иных течений конца XIX в. Противники позитивизма зафиксировали жесткое разделение наук на естественные и гуманитарные, или номотетические (законооткрывающие) и идиографические (способные лишь описывать свой объект) по методу исследования. Ответом на экспансию данной модели познания стало отрицание трансдисциплинарности, желание замкнуть науки в своей предметной области. Опыт позитивистов показал: трансдисциплинарный уровень МД, будучи основан на силовой экспансии одной из моделей познания, в различные науки, где для ее восприятия не созрели условия, не может быть эффективным¹. Хотя он имеет и иную сторону: готовит «почву» для последующего положительного использования новой, более адекватной предмету большинства наук, познавательной модели.

Следующей попыткой создать трансдисциплинарную познавательную модель стал психоанализ З. Фрейда и его последователей. З. Фрейд, будучи сначала практикующим врачом-психиатром, а потом постепенно эволюционируя в философа и гуманитария, представил психику как трехуровневую структуру, содержащую сознание («Сверх-Я»), подсознание («Я») и бессознательное («Оно»). Причем, последний элемент оказался наиболее спорным из всех. Он содержал присущие человеку желания (преимущественно сексуального характера), которые не могли быть удовлетворены в рамках культуры. Потом, обходя механизмы своеобразной «пограничной стражи» в лице подсознания,

¹ Похожую картину можно было наблюдать в 1990-е гг. в РФ, где в историческую науку пришла «школа» А.Т. Фоменко и его последователей, пытавшаяся на основе «точных методов» создать новую периодизацию истории («новую глобальную хронологию»). «Ответом» стало «отторжение» представителей естественных наук, зашедших в такой резкой форме в «чужой огород», переходящее порой в их шельмование. Хотя, когда это нужно в собственных исследованиях, историки используют математические методы и иные средства познания естественных наук.

данные «образования» попадали в сознание и вызывали психические расстройства (истерии, неврозы). Психоанализ уже сам по себе возник на стыке ряда наук: психологии, психиатрии, биологии, но З. Фрейд перенес его базовую схему на социологию, философию, культурологию, в религиоведение, историю и т. д. Последователи З. Фрейда только усилили данный, «гуманитарный», социологический крен психоанализа. К.Г. Юнг говорил о «коллективном бессознательном», его «архетипах» (формах проявления). Э. Фромм — о «здоровом» и «больном» обществе. Причем, если З. Фрейд осуществлял экстраполяцию схемы с человека на социум (роль индивидуального Сверх-Я у него играла культура), то его последователи переносили особенности общества на человека (так, «архетипы» коллективного бессознательного определяли индивидуальное поведение у К.Г. Юнга). Кроме того, оставался не ясным вопрос о роли бессознательного в структуре психики. Занимает оно решающее место, или выступает одним из ее элементов. Для З. Фрейда все «психические процессы сами по себе бессознательны» [17, с. 11]. У К. Юнга и Э. Фромма они определяются больше общественной динамикой.

Довольно «пестрой» (и не всегда сбалансированной) была методология психоанализа как первого трансдисциплинарного направления. Модель бессознательного у З. Фрейда опиралась на такие методы, как гипноз, учет персональных описок/опечаток, толкование сновидений. Из них первый был наиболее объективным, остальные — тяготели к субъективности, требовали дополнительных интерпретаций результатов их применения. Последователи З. Фрейда использовали здесь более широкий круг средств познания: от абстрагирования и моделирования (на базе которых получены понятия «здоровое» и «больное» общество) до структурно-функционального анализа («коллективное бессознательное»).

В итоге с помощью психоанализа сформировалась модель бессознательно-го, выделявшая у психики человека три уровня, из которых доминирующим выступало бессознательное. Она возникла на базе преимущественно естествознания. Потом произошла экстраполяция данной модели в гуманитарные науки и на иной объект: общество. И здесь возникли первые «трудности перевода». Требовалось найти в социуме аналоги индивидуального сознания, подсознания, бессознательного. Однако они оказались не бесконечными. Так, Э. Фромм, введя понятия социальной биофилии и некрофилии, максимально расширив их содержание, не смог корректно объяснить в рамках модели бессознательного жестокие приказы о разрушении инфраструктуры Германии, отданные А. Гитлером весной 1945 г. в период поражения Третьего Рейха (работа Э. Фромма «Адольф Гитлер как клинический случай некрофилии»). Сходные по содержанию распоряжения имели место в похожих ситуациях и у противников нацистской Германии, а значит, диктовались чисто социальными причинами.

Модель бессознательного недостаточно объясняла генезис религиозных верований. Их редукция к Эдиповому комплексу, неврозам и т. п. тоже оказывалась несовершенной. По мнению З. Фрейда, «религию ...можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом (курсив мой — В.Н.), который, подобно соответствующему детскому неврозу, коренится в Эдиповом комплексе, в амбивалентном отношении к отцу...» [18, с. 53–54]. «Психоанализ... показал

нам, что личный Бог психологически не что иное, как идеализированный отец» [Цит. по: 14, с. 29]. Здесь мы видим отождествление верующих не только с больными (невротиками), но и с «детьми», т. е. людьми с низким уровнем интеллекта, в сравнении со «взрослыми». Э. Фромм же вообще понимал под религией любую групповую «систему взглядов и действий», дающую индивиду «систему ориентации и объект поклонения» [19, с. 236]. Значит, человек, фанатично верящий действиям, скажем, политического вождя, автоматически религиозен. Нет ответа при таком подходе, где начинается невроз как индивидуальная болезнь и где формируется невроз? Как индивидуально-социальный феномен, влияющий на развитие общества?

Наконец, модель бессознательного носила довольно конкретный характер. Она была тесно привязана к эмпирическим фактам, что мешало ее переносу на общество в целом. Относительно корректная ее экстраполяция оказалась возможной лишь в психологии и психиатрии, а уже в социологии, истории, религиоведении и иных гуманитарных дисциплинах данная мировоззренчески-методологическая конструкция давала существенные «сбои».

Недостатки психоанализа как первого трансдисциплинарного направления в МД преодолел системный подход, развиваемый Л. Бераланфи и его последователями. Ядром позиции стало понятие «система», т. е. целое, обладающее свойствами, отсутствующими у его частей. Входящие в систему элементы получили название «подсистем». Так, «общество» состоит из людей, но к деятельности каждого конкретного индивида не сводимо. В социуме возникают совокупные продукты: наука, религия, культура и т. д. Тем самым между системой и подсистемой складываются сложные отношения. Система не может существовать без подсистем — с одной стороны, но она обладает универсальными свойствами, которых у них нет по отдельности. Наконец, в отличие от психоанализа, экстраполирующего модель бессознательного на индивидуальную психику и общество, ареал системного подхода гораздо шире. Вне системы нельзя рассматривать никакое общественное или природное явление. Действительность в рамках такой картины мира превращается в своеобразную познавательную «матрешку»: каждая система оказывается подсистемой другой системы и так идет до бесконечности. Значит, системный подход тотален, при распространении в любую науку он требует поиска и форматирования ее объекта как системного, и никакого другого. Вопрос «есть ли у системности как свойства окружающего мира границы?» оставался без ответа. «Системы — повсюду», — утверждал основатель данного подхода Бераланфи [Цит. по: 15, с. 33].

Стоит отметить, что в системном подходе часть всегда подчинена целому, его сохранению. Подсистемы могут меняться, но в идеале на систему это не должно оказывать существенного влияния. Если классическая наука требует рассмотрения целого как суммы частей (сумматизм), то неклассика позволяет от подсистем абстрагироваться. Данный подход направляет и познание. Возьмем исследование общества. Для сторонника рассмотрения целого как суммы частей естественно предположить: «Нами должен быть познан всякий из тех миллиардов людей, что жили на земле и которые все безусловно вошли в исторический процесс» [21, с. 250]. Для придерживающегося системного подхода приемлема противоположная модель познания: «...социальный мир с самого

начала движется только группами, группами приступает к деятельности, группами борется и стремится вперед (курсив Л. Гумпловича)» [1, с. 263]. «Общество создает особые продукты этой (общей — В.Н.) деятельности, которые не могут быть созданы деятельностью индивидов. К таким продуктам принадлежат... язык, далее наука, религия, право, искусство» [20, с. 249].

В итоге важной характеристикой системного подхода как трансдисциплинарного направления МД выступала его тотальность, распространение базовой модели (модели системы) на любые объекты физического, биологического, социального миров. Вместе с тем у системы не было «границ», что мешало точному «наложению» понятия на реальные объекты. Всегда однозначными виделись отношения «системы» и «подсистемы» (с преобладанием первой). Это обстоятельство препятствовало превращению системного подхода в главного «представителя» трансдисциплинарного уровня.

Другим ныне распространенным направлением в рамках трансдисциплинарного уровня МД выступает синергетика (как правило, в версии И. Пригожина и его последователей). Она дала ученым много различных идей. Это — тезис о самоорганизации любых систем (по которому они могут самостоятельно, без внешних целенаправленных воздействий, переходить от хаоса к порядку). Утверждение о движении любого процесса развития от Хаоса (неравновесного состояния) к Порядку (равновесию). И позиция, по которой любое равновесное состояние — частный случай неравновесия (Хаоса). Положение, согласно которому есть особое состояние перехода от Хаоса к Порядку — «точка бифуркации», универсальная для любых типов систем. Наконец, синергетике приписывают идею о том, что свобода (в т. ч. индивидуальная) может выступать в качестве движущей силы в рамках развития и становления систем.

Что, по мнению автора, составляет сущность модели, экстраполируемой синергетикой в различные науки? На базе главного понятия данную теоретическую конструкцию целесообразно назвать «моделью точки бифуркации». Она частично включает и системный подход, но выделяет в качестве главных два типа систем: равновесные и неравновесные. В первых доминирует Порядок (в смысле возможности прогноза развития ситуации на базе знания начальных условий и законов ее становления). Во втором типе систем преобладает Хаос. Причем последний носит доминирующий характер в любых системах, включая социальные. Как утверждает Э. Ласло, XXI в., как и предшествующие ему столетия, «будет рождаться в плодоносном чреве хаоса» [6, с. 62].

Хаос, несмотря на доминирующее положение, не может продолжаться вечно, в процессе самоорганизации он начинает трансформироваться в Порядок. Отсюда название главной работы И. Пригожина, И. Стенгерс «Порядок из хаоса» (для классической науки Порядок линейно формировался из прежнего Порядка). Возникает переходное от Хаоса к Порядку состояние — точка бифуркации. Она содержит ряд направлений дальнейшего развития системы. И тут на сцену выходит еще один «игрок» — флуктуации, т. е. случайные факторы, которые переводят систему на одно из направлений ее дальнейшего развития. После этого до последующей хаотизации, на определенный ограниченный временной период, устанавливается Порядок. Отмечу, что синергетика (в версии И. Пригожина) объявляет прогнозирование в точке бифуркации невозможным. Тем самым синергетика, на мой взгляд, трансдисциплинарна,

ибо распространяет в познание любых систем схему: порядок — хаос — точка бифуркации — новый порядок — новый хаос. Искать «звенья» подобной цепи в своих науках имеют возможность как естествоиспытатели, так и гуманитарии. В насыщении данной схемы конкретикой могут преуспеть и биологи, и историки, и физики, и социологи. Особенно распространен ныне поиск как раз переходных состояний (точек бифуркации) в развитии различных систем. Поэтому синергетика востребована в сфере различных наук. Она тоже тотальна, как и системный подход, ибо стремится поставить над понятием «система» более широкую, общую зависимость: «порядок — хаос — точка бифуркации — порядок», границ у которой тоже нет.

Теперь целесообразно посмотреть (на примерах из близких автору социальных наук, особенно истории) на ограничения модели «точки бифуркации» [10]. Во-первых, ее категориальный аппарат, порожденный естествознанием, в гуманитарной сфере трансформируется в более адекватные понятия. Место точки бифуркации занимают «узловые точки истории», «критические точки истории», «исторические развилки» и т. п. категории, более понятные историкам и иным гуманитариям. Происходит активный поиск подобных переходных состояний [3]. Во-вторых, начинается ревизия положения о непредсказуемости развития в «переходном состоянии». Осуществляются поиски запрета на определенные «стратегии взаимодействия» (В. Степин) в данном месте [16, с. 20]. В-третьих, разрабатывается модель «теоретической истории», на базе которой сторонники синергетики в пике бифуркационной модели И. Пригожина обещают увеличить прогностический потенциал данной науки [4, с. 75]. В-четвертых, стараются исключить из изучения переходные состояния, для реконструкции которых мало эмпирического материала и для анализа которых нельзя применять математику. Тем самым ограничивают ареал познания современностью и поздним Новым временем. Отсюда, по мнению М. Левандовского, поиск «точек бифуркации» в более ранних эпохах — «не более, чем изящная интеллектуальная забава» [Цит. по: 22, с. 65]. В-пятых, ведут речь об учете не только макро-воздействий на прошлое (исходящих от социальных групп), но и «малых воздействий», связанных с конкретными личностями [4, с. 107]. Тем самым преодолевается тезис системного подхода о превосходстве системы (общества) над ее подсистемой (личностью) [11]. В-шестых, если в теории и для природных систем хаос — вещь обычная, то для социальных он крайне разрушителен и обществоведы ищут пути его нейтрализации или, по крайней мере, отдаления. Так, можно констатировать за Э. Ласло: «Внутренний распад и проигранная война в 1917 г. привели Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса «Великой Октябрьской Социалистической Революции» возник В.И. Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков — тот самый, который распался в 1991 г. в результате другой неожиданной бифуркации» [6, с. 16]. Однако вопрос: «как предотвратить такое чередование системы “Порядок — Хаос” по отношению к обществу?» тоже может ставиться за пределами бифуркационной модели [5]. В-седьмых, проявлением того, что модель точки бифуркации не устраивает обществоведов, стало появление «особой» синергетики: социальной [13]. Здесь многие положения «естественнонаучной» синергетики стали преодолеваются, пересматриваться.

Подведем итог. Трансдисциплинарный уровень МД предполагает выдвижение универсальной познавательной модели и ее экстраполяцию в различные науки, независимо от их предметной и методологической специфики. В них данную модель могут «встретить» по-разному: от острого неприятия (как было с «социальной физикой» О. Конта) до активного использования, ассимиляции (модели системы, бифуркационная модель). Причем, некоторые специалисты, описывая, например, «критическую точку истории» (где «заложены альтернативные пути развития всего исторического процесса или отдельных его частей и направлений»), даже не упоминают о ее «родительнице», давшей ей базовые свойства, — точке бифуркации [2, с. 86]. Кроме того, базовая модель может быть ограниченно годной, т. е. востребованной только несколькими науками (модель бессознательного З. Фрейда и его последователей).

Важным недостатком моделей, используемых на трансдисциплинарном уровне МД, выступает их тотальность, т. е. попытка безгранично уложить действительность в задаваемую схему. Поэтому вопросы («что есть кроме систем?», исчерпывается ли развитие схемой «порядок из хаоса через точку бифуркации?», «что происходит с нереализованными в точке бифуркации вариантами»? и другие) требуется задавать ученым, чтобы ощутить, выявить пределы применимости исходной (базовой) модели.

В работе рассмотрены четыре познавательные модели, используемые на трансдисциплинарном уровне МД. Но можно предположить, что их количество не конечно. В XXI в. после моделей системы и точки бифуркации, возникнут новые теоретические конструкции, которые тоже будут активно экстраполироваться в естественные и гуманитарные науки. Вероятно, они будут свободны от греха «тотальности», свойственного нынешним моделям-«символам» трансдисциплинарного уровня МД. Поэтому эвристический потенциал трансдисциплинарного уровня МД далеко не исчерпан.

В дальнейшем специалистам из конкретных наук придется чаще иметь дело с моделями, порожденными трансдисциплинарным уровнем МД. Отсюда потребуется вырабатывать универсальные алгоритмы их «ассимиляции», приспособления под стандарты конкретных дисциплин.

Наконец, поставим вопрос: как соотносятся трансдисциплинарный и иные уровни МД? Данный уровень выступает более абстрагированным от конкретных дисциплин, чем последующие. Он «метанаучен», стоит как бы «над» науками, ибо несет в них универсальную модель познания (в этом плане отличается от дисциплинарного уровня МД). Трансдисциплинарный уровень заставляет ученых приспосабливать под особенности данной модели и объект познания, что создает определенные трудности в каждой конкретной науке. В этом плане он выступает противоположностью проблемному и объектному уровням МД.

В целом указанные уровни МД дополняют друг друга. Однако лучше о перспективах трансдисциплинарного уровня МД можно будет судить, когда в его рамках появятся новые универсальные модели.

Список литературы

1. Гумплович Л. Основы социологии. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 366 с.
2. Журов Ю.В. Проблемы методологии истории. – Брянск: Издательство Брянского госпедуниверситета, 1996. – 144 с.
3. Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. – М.: КоЛибри, 2005. – 638 с.
4. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1997. – 285 с.
5. Круглый стол «Риск исторического выбора в России» // Вопросы философии. – 1994. – № 5. – С. 3–23.
6. Ласло Э. Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира // Путь. – 1995. – № 7. – С. 4–125.
7. Нехамкин А.Н. Рыночная экономика: государственное регулирование НТП. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1993. – 130 с.
8. Нехамкин В.А. Контрфактическое историческое моделирование К. Клаузевица: теоретико-методологический аспект // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 105–115.
9. Нехамкин В.А. Основные подходы к решению глобальных проблем: возможности и пределы // Социум и власть. – 2014. – № 4(48). – С. 13–17.
10. Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2015. – № 7(40). – С. 11.
11. Нехамкин В.А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы // Социум и власть. – 2018. – № 2(70). – С. 24–33.
12. Нехамкин В.А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. – 2019. – № 2(76). – С. 96–105.
13. Николаева Е.М. Социальная синергетика. – Казань: Казанский ун-т, 2014. – 80 с.
14. Основы религиоведения: учебник. – М.: Высшая школа, 1994. – 368 с.
15. Системные исследования: Ежегодник. 1969. – М.: Наука, 1969. – 202 с.
16. Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 10–22.
17. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
18. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992. – 289 с.
19. Фромм Э. Иметь или быть? М.: – Прогресс, 1990. – 448 с.
20. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. – М.: Изд-во «КомКнига», 2006. – 392 с.
21. Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 414 с.
22. Юзефович Г. Сад расходящихся тропок // Еженедельный журнал. – 2002. – № 10. – С. 63–66.

References

1. Gumplovich L. Osnovy sociologii. Moscow: LENAND, 2017. 366 p.
2. Zhurov Yu.V. Problemy metodologii istorii. Bryansk: Izdatel'stvo Bryanskogo gospeduniversiteta, 1996. 144 p.
3. Karacuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichej do oligarhov. Moscow: KoLibri, 2005. 638 p.
4. Kapica S.P., Kurdyumov S.P., Malineckij G.G. Sinergetika i prognozy bu-dushchego. Moscow: Nauka, 1997. 285 p.
5. Risk of Historical Choice in Russia (A Round-Table Discussion). *Voprosy filosofii*. 1994. No. 5. P. 3–23.

6. Laslo E. Vek bifurkacii. Postizhenie izmenyayushchegosya mira. *Put'*. 1995. No. 7. P. 4–125.
7. Nekhamkin A.N. Rynoch'naya ekonomika: gosudarstvennoe regulirovanie NTP. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1993. 130 p.
8. Nekhamkin V.A. Counter-Factual Historical Modeling by K. Clausewitz. *Voprosy filosofii*. 2006. No. 6. P. 105–115.
9. Nekhamkin V.A. Basic Approaches to the Solution of Global Problems: Possibilities and Limits. *Society and Power*. 2014. No. 4(48). P. 13–17.
10. Nekhamkin V.A. Synergetic and Modern Historical Knowledge: Possibilities and Limits. *The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*. 2015. No. 7(40). P. 11.
11. Nekhamkin V.A. Models of the Role of Personality in History: Achievements and Limits. *Society and Power*. 2018. No. 2(70). P. 24–33.
12. Nekhamkin V.A. Interdisciplinarity In Modern Humanitarian Knowledge: Trends, Results And Development Prospects. *Society and Power*. 2019. No. 2(76). P. 96–105.
13. Nikolaeva E.M. Social'naya sinergetika. Kazan': Kazanskij un-t, 2014. 80 p.
14. Osnovy religiovedeniya. Uchebnik. Moscow: Vysshaya shkola, 1994. 368 p.
15. Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. 1969. Moscow: Nauka, 1969. 202 p.
16. Stepin V.S. Filosofiya i obrazy budushchego. *Voprosy filosofii*. 1994. No. 6. P. 10–22.
17. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz: lektsii. Moscow: Nauka, 1989. 456 p.
18. Frejd Z. Psihoanaliz. Religiya. Kul'tura. Moscow: Renessans, 1992. 289 p.
19. Fromm E. Imet' ili byt'? Moscow: Progress, 1990. 448 p.
20. Hvostov V.M. Teoriya istoricheskogo processa. Ocherki po filosofii i metodologii istorii. Moscow: Izd-vo «KomKniga», 2006. 392 p.
21. Ern V.F. Sochineniya. Moscow: Pravda, 1991. 414 p.
22. Yuzefovich G. Sad raskhodyashchihsya tropok. *Ezhenedel'nyj Zhurnal*. 2002. No. 10. P. 63–66.

Информация об авторе

Валерий Аркадьевич Нехамкин, доктор философских наук, профессор кафедры философия Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Information about the author

Valery A. Nekhamkin, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia. **E-mail:** nechamkin@rambler.ru